

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Л. И. Никовская УДК 32.032
<https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

**Проблемные аспекты функционирования института защиты
и продвижения общественных интересов в публичном пространстве
в региональном измерении**

Для цитирования: Никовская Л. И. Проблемные аспекты функционирования института защиты и продвижения общественных интересов в публичном пространстве в региональном измерении // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). С. 5-19. DOI 10.20323/2658-428X-2020-2-7-5-19

В статье представлены некоторые обобщения по итогам двух исследовательских проектов по проблематике состояния публичной сферы в двух регионах – Ярославской и Костромской областях в части анализа состояния института продвижения и защиты общественных интересов. Показано, что этот институт по критерию состоятельности/несостоятельности находится в неудовлетворительном состоянии, что ослабляет качество государственного и муниципального управления, респонсивность органов публичной власти в решении назревших социальных проблем местного и регионального сообщества, особенно в условиях кризиса. Выход из этого положения видится в путях совершенствования принципов межсекторного социального партнерства, субсидиарности деятельности на разных уровнях публичной власти, в повышении качества функционирования гражданских организаций и объединений.

Ключевые слова: публичная политика, гражданское общество, представительство интересов, общественный интерес, социальный механизм государственного/муниципального управления.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Nikovskaya L. I.

**Problematic aspects of the functioning of the institute
for the protection and promotion of public interests
in the public space in the regional dimension**

The article presents some generalizations based on the results of two research projects on the state of the public sphere in two regions – the Yaroslavl and Kostroma regions in terms of analyzing the state of the institute for the promotion and protection

© Никовская Л. И., 2020

*Проблемные аспекты функционирования института защиты и продвижения
общественных интересов в публичном пространстве в региональном измерении* 5

of public interests. It is shown that this institution according to the criterion of solvency/insolvency is in an unsatisfactory state, which weakens the quality of state and municipal management, the responsiveness of public authorities in solving urgent social problems of the local and regional community, especially in a crisis. Ways out of this situation are seen in the ways of improving the principles of intersectoral social partnership, subsidiarity in the activities of different levels of public authority, and improving the quality of functioning of civil organizations and associations.

Key words: public policy, civil society, representation of interests, public interest, social mechanism of state/municipal management.

Наши исследования по проблеме состоятельности/несостоятельности институтов публичного взаимодействия граждан и власти на региональном и муниципальном уровне за последние 5 лет выявили устойчивую тенденцию неудовлетворительного состояния института защиты и продвижения общественных интересов¹, как правило они попадают в сектор несостоятельных институтов². Проблема выявления и продвижения общественных интересов, в отношении которых наши исследования показали значительный функциональный дисбаланс, тесно связана с важнейшей функцией публичной сферы, в рамках которой взаимодействие гражданского общества и государства позволяет сформировать – посредством общественного дискурса – публичный (общественный) интерес. Причем в этом процессе важны все 3 составляющие – само качество развития гражданского общества, качество государственного (муниципального) управления, нацеленного на диалог с обществом и рассматривающего

его как важнейший ресурс общественного развития и важный фактор принятия социально-значимых решений, и само состояние публичной сферы (ее прозрачность, доступность для всего многообразия частных, партикулярных интересов). Как правило, общественный интерес не представляет собой механическую сумму частных интересов, он рождается на пересечении совместных усилий, сигналов, запросов и ожиданий, идущих «снизу», от самого общества, и решений, посылов, поступающих «сверху», со стороны политико-государственных структур. Публичная сфера позволяет этим потокам встретиться и, благодаря диалогу, взаимной рефлексии, активному обсуждению найти точки согласия, сопряжения и солидарности для формулирования общих целей и приоритетов, которые и составят основу общественного (публичного) интереса. Способность представителей гражданского общества к этому взаимодействию с государством, в результате которого формируется понимание общественно-

го блага и общественного интереса, многие исследователи называют гражданственностью, гражданской культурой взаимодействия с государством и по этому критерию разделяют общественные организации, которые в большей степени нацелены на реализацию только своих групповых интересов, не стремящиеся выйти за рамки удовлетворения партикулярных интересов, от тех организаций, которые ставят своей задачей решение общественных проблем, реализация которых может существенно помочь улучшению общественной жизнедеятельности неопределенного круга лиц [Беляева, 2011]. И решение этих проблем требует непременно участия государства в силу наличия общественного договора с гражданами. Основное отличие этих гражданских объединений состоит в том, что они служат публичной цели, работают на достижение общественного блага. Они потому и называются «гражданскими», что действуют в интересах всех граждан, поскольку результатом их деятельности является изменение социальных практик, отвечающих общественным (публичным) интересам. Роль и качество развития публичной сферы в формировании и продвижении общественных интересов очень значима. Публичная сфера предстает, с одной стороны, как пространство коллективного поиска гражданами

общих целей и средств их достижения, с другой стороны, как область практических воплощений этих целей в систему отношений и институтов, образующих общественный сектор жизнедеятельности общества и государства. В этом пространстве осуществляются важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании публичной политики, выражающей публичный (общественный) интерес.

Артикуляция основных кластеров интересов общества в публичном пространстве служит средством и необходимой предпосылкой самоидентификации этого общества, определяющей суть и главные линии государственной публичной политики. Они должны родиться в недрах самого общества и прозвучать от его имени в самом обществе, отчетливо заявить о себе, чтобы и власть, и сама общественность смогли их заметить и оценить. Тогда в повестке дня публичной политики выявятся вопросы, действительно волнующие общественность, прояснятся приоритетность и очередность их решения.

Обобщая материалы качественных исследований, проведенных в двух регионах (Костромская, Ярославская области в 2014 и 2019 гг.) в рамках изучения особенностей функционирования публичной сферы, можно выделить некоторые особенности этого процесса. Практически все представители отмети-

ли важность наличия определенной компетентности со стороны ответственности во взаимодействии с органами власти. Необходимы не только навыки сложной аналитической деятельности, которые позволяют делать грамотную экспертизу, взвешенные оценки, комплексное видение проблемы, но и требуются узкие компетенции, которые нацелены на решение узких предметных областей общественной жизнедеятельности. Не все организации готовы к такому систематическому и полноценному взаимодействию. Сохраняется и изживенческая позиция общественных объединений и неумение вести конструктивное взаимодействие с представителями муниципального и регионального государственного управления в рамках системного и нормативно-правового решения возникшей проблемы [Никовская, 2012; Никовская, 2019а; Никовская, 2019б; Никовская, 2019в; Зайцев, 2018; Зайцев, 2019].

Представители экспертного сообщества двух регионов констатировали, что институциональная основа взаимодействия в публичном пространстве в общих чертах уже сложилась: есть соответствующие Департаменты по связям с общественностью, заработали Общественные палаты, в том числе и на муниципальном уровне, сложились и предметные консультативные структуры в виде Круглых столов,

публичных обсуждений по конкретным вопросам, дает свой эффект и практика сетевых механизмов привлечения общественного мнения граждан по сетевым конкретным проектам, но... *«чтобы каналы обратной связи между обществом и властью работали эффективно, нужны шаги с обеих сторон. Профильные органы власти должны реально общаться со своей целевой аудиторией. Сейчас на уровне губернатора о таких каналах говорить трудно. Власть должна быть готова к диалогу не только на бумаге, а на деле»* (из глубинного интервью ярославских экспертов).

Неожиданно слабой оказалась роль региональных СМИ в формировании публичных возможностей для рефлексии и кристаллизации общественных интересов, поскольку, по мнению общественников, «региональные СМИ дают возможность активистам выступать или представлять свою точку зрения только по указанию власти» (из интервью с экспертом Костромы). Ярославские же эксперты довольно четко определили, что СМИ не являются инструментом формирования и проводником реального общественного мнения в регионе: «С одной стороны, СМИ зависимы, так как принадлежат органам власти и поэтому дают одностороннюю интерпретацию ситуации. С другой – эту ситуацию исправля-

ет интернет. Если к информации, полученной по TV, радио или из газет, добавить отфильтрованные новости и обсуждения в социальных сетях, электронных изданиях, то можно сложить достоверную картинку. Но сложно говорить о дискуссии, так как традиционные СМИ – односторонний инструмент, а в интернете – достаточно узкая аудитория».

Как выяснилось, и на муниципальном уровне традиционные СМИ не используются в качестве ретранслятора общественного мнения, поскольку чрезвычайно коммерциализированы и в большей степени ориентированы на интересы местной власти: «Что касается общественников, то у нас нет взаимодействия, нет точек соприкосновения со СМИ, они не выходят на взаимодействия, мы им не очень интересны» (материалы фокус-группы в Красном-на-Волге).

В этой ситуации роль СМИ дополняют интернет-ресурсы, созданные при органах власти или специально под решение проблемы: в Ярославле активно работает портал «Народного правительства», портал «Неравнодушный Ярославль», в Костроме – интернет-сайты (tsgdom.ru/kos и др.), интернет-приемные, интернет-форумы. Но не все представители гражданской общественности и НКО имеют к ним доступ, общественники более расположены к личным кана-

лом общения, включая неформальное. Высокую значимость имеет прямой доступ к тем должностным лицам, которые принимают исполнительно-распорядительные решения. И часто интернет и сетевое сообщество выполняют сигнальную функцию, чтобы проинформировать власть и отобилизовать своих сторонников.

Особую роль в повышении качества артикуляции и продвижения общественных интересов отводится гражданскому просвещению. Его главной целью можно считать формирование гражданских качеств на основе новых знаний, умений и ценностей, помогающих организациям и гражданам разрешать возникающие проблемы, адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям, а также представлять и защищать свои права и интересы, уважая интересы и права других людей. Так, в Костромской области сами представители гражданского общества инициировали просветительские мероприятия: «В последнее время администрация города под нажимом со стороны общественности стала проводить обучающие семинары, обучение актива (Костромской городской совет управдомов и др.)». В Ярославле в этом отношении активно действует Общественная палата области, Ресурсный центр, которые существенно активизировали свою

работу в условиях пандемии, разъясняя и сопровождая граждан в защите и удовлетворении базовых социально-экономических потребностей и интересов.

Существенным фактором, снижающим качество реализации института защиты общественных интересов, выступает низкая роль консультативных и общественных Советов при муниципальных органах власти. По нашим данным, и в Ярославской области, и в Костромской на муниципальном уровне они попали в разряд слабо состоятельных институтов. А ведь сущность социальной технологии «Общественный совет» заключается в создании одного из механизмов демократии участия. Иными словами, общественный совет служит одним из каналов прямой и обратной связи народа и органов публичной власти, обеспечивая участие представителей общественности в выработке государственных, либо муниципальных решений. Если посмотреть на проблему шире, то сегодня технология «Общественных советов» получила новое дыхание в связи с растущим запросом гражданского общества на углубление функции *общественного контроля*. Общественные советы при органах власти стали создаваться в 2006 году на основе Указа Президента РФ №842 в соответствии с Федеральным законом РФ «Об Общественной палате Российской феде-

рации»³. В нем говорится, в первую очередь, о целях и задачах Общественной палаты РФ, но эта функциональная повестка стала распространяться на создаваемые по ее инициативе Общественные советы. Согласование интересов гражданского общества и государства предполагалось достигать путем реализации 6 задач. Главная из них – это осуществление общественного контроля со стороны общества, а остальные пять: привлечение граждан и общественных объединений к реализации государственной/муниципальной политики, поддержка инициатив, проведение общественной экспертизы, выработка рекомендаций власти и другие – фактически направлены на реальное вовлечение гражданских инициатив в формирование государственной политики. На муниципальном уровне эта технология существенно недоиспользуется. Только в муниципальном образовании Красном-на-Волге Костромской области активно задействованы консультативные механизмы привлечения гражданской инициативы – Общественный и Консультативный советы при администрации поселения – лишний раз доказали, что публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти любого уровня.

Практически все представители экспертной мысли двух регионов отметили, что при решении проблем по защите и продвижению общественных интересов решающая роль остается за государством, его органами. Линия на доминирование государства (а, по сути, государственно-административной бюрократии) в публичной сфере распространяется на все структуры социума. Во взаимоотношениях с организациями гражданского общества, бизнес-сообщества властные органы ставят во главу угла усиление государственного начала. Эти организации и объединения рассматриваются ими как «приводные ремни», образующие контролируемую из одного центра «по вертикали» тотальную систему управления обществом. Именно поэтому можно говорить о том, что публичная сфера у нас сильно деформирована. При этом эксперты отметили, что нынешнее состояние системы государственного управления не дает оснований для формирования полноценной и долгосрочной стратегии конструктивного взаимодействия: *«органы власти и структуры гражданского общества не представляют заранее возможные точки социального напряжения по наиболее проблемным вопросам развития региона и местного сообщества»* (из глубинного интервью экспертов Ярославля). Костромские же общественни-

ки отмечают также некоторые элементы недоверия и зарегламентированности в деятельности административных структур, в превалировании корпоративных и коммерческих интересов над общественными: *«У администрации всегда есть потенциальная возможность что-то скрыть или предоставить преференции тем, кто предложит лучшую цену»* (из глубинного интервью с экспертами Костромы). Иными словами, деформация публичного пространства связана с влиянием более сильных «групп интересов», корпоративных структур, которые предпочитают действовать неформально и теневым образом.

Провалы и институциональные разрывы во взаимодействии власти и гражданского общества, отсутствие навыков такого взаимодействия существенно блокируют процесс формирования, защиты и продвижения общественных интересов, поскольку это процесс – обоюдный. Несущей конструкцией, своеобразным субстратом установления конструктивных отношений является способность и готовность выстраивать **симметричные**, основанные на **балансе интересов**, двусторонние связи представителей государственной власти и гражданского общества. Основой этого процесса выступает *искусство общения, налаживания эффективных коммуникаций*, которые позволяют

выявить *зоны совмещения интересов* и создать условия для их согласования. Эти технологии представляют такой способ достижения целей, при котором субъект и объект управления существуют не как разнополюсные, подчас антагонистические субстанции, но как взаимосвязанные субъекты общественных отношений, равно заинтересованные друг в друге и находящиеся **«точки согласования интересов»** как внутренний императив своего существования и успеха [Доклад о состоянии..., с. 112]. *«Власти необходимо не лениться и прислушиваться к общественным инициативам и избегать формального подхода к обращениям. В свою очередь, общественные организации должны понять, что они призваны помогать исполнительным органам, и избавиться от принципа, согласно которому им все должны. Когда органам власти нужен иной взгляд и они обращаются к НКО за ним, те не должны отказываться и игнорировать проблему, оставляя ее на попечение только власти»* (глубинные интервью, Ярославль). Таким образом, мы видим, что представители гражданских инициатив, как правило, вступают в публичные отношения с властями: их инициативы, так или иначе, становятся известными более или менее широкому кругу горожан. Тем самым они приобретают вес в системе общественных отношений,

предлагая согражданам свою картину видения проблемы, свои интерпретации событий, общественно значимые цели совместной деятельности. Возможность влиять на общественное мнение расширяется по мере того, как активисты увеличивают объем своих ресурсов (доверия, авторитета, навыков публичной деятельности). Происходят изменения не только в кругу гражданского сообщества, но и в самих структурах власти, которая вынужденно втягивается в публичные взаимоотношения с гражданами. Вместе с тем, анализ публичных практик сотрудничества представителей НКО-сообщества и властей показывает, что зачастую попытки общественников наладить такое сотрудничество наталкивается на сопротивление представителей власти, скрытое или более, или менее открытое. Нам представляется, что причинами выступает ряд факторов. Во-первых, *несовпадение стандартов деятельности* высокоформализованной административной управленческой структуры, с одной стороны, и гораздо более «свободных» форматов, в которых проявляется общественная активность граждан. «Неудобство» взаимодействия с общественниками часто формирует в управленческих структурах представление, что деятельность активистов – это всегда риск для административной системы и, соответственно, ее дестаби-

лизация. Властям часто бывает удобнее отказываться от диалога или топить общественные инициативы в бюрократических проволочках, чем менять привычные административные процедуры. Умение работать в публичном пространстве, опираясь на информирование граждан, на получение живой обратной связи от них – важный ресурс поддержания эффективности и стабильности в решении острых социальных вопросов, что собственноручно подтвердили в своих оценках граждане в 2019 году: *«Вот вам пример: гаражные кооперативы были не то, что недовольны – возмущены, когда цены и плата за землю выросли не на проценты, а в разы, в пять раз. И все же на сегодня нашли решение этого вопроса, но не на своем муниципальном уровне, а на региональном. Почему? Во-первых, слабая информированность населения. Если бы было сказано, что вышло постановление, сейчас будут такие цены и тарифы, разъяснили, рассказали людям по СМИ, потом собрали представителей гаражных кооперативов – это два – все бы успокоились... Но когда приходит платежка, и вместо 100 рублей им нужно заплатить 500, уже в сотнях это как? Начинается: «Так, мы пойдем в суд!» и муниципальная власть, вместо того, чтобы заниматься плановой работой, они, или их руководители или помощники, бегают по*

судам и доказывают правоту, потому что вот такой вышел новый норматив... А нужно было вести работу среди гаражных кооперативов!» (по материалам ФГ в Костроме). Иными словами, там, где власти стремятся жестко формально-административными методами контролировать сферу гражданских инициатив, мы имеем негативные последствия – отказ жителей от разных форм гражданского участия, признание его неэффективным, низкий уровень доверия и поддержки власти, всплески открытого противостояния и протеста. Успешным сотрудничество бывает там, где развитые институты гражданского общества оказываются в состоянии убедить власти в обоснованности и реалистичности своей «повестки дня», или там, где губернатор или мэр ориентированы на сотрудничество с институтами гражданского общества.

Исследование особенностей отстаивания общественных интересов на муниципальном уровне показало нам в 2019 году, что своеобразная неотзывчивость муниципальной власти может быть детерминирована сложным ее положением в системе соотношения с региональным уровнем власти и избыточной зарегламентированностью ее функционирования: «Самый страшный ужас сотрудника органа муниципальной и государственной власти – прийти к общественности, выслушать ее и

понять, что ты не можешь удовлетворить все то, что хотят от тебя люди, к которым ты пришел. Этот механизм требует правовой согласованности действий всех уровней и органов «властной вертикали» и поэтому, чтобы удовлетворить запрос населения по проблеме общедомового имущества (ОДИ) многоквартирных домов, нам пришлось много поработать... Почему власти не идут к народу? Потому что ты идешь к народу и понимаешь, что нет быстрых способов и механизмов, чтобы помочь реализовать этот запрос, правовые рамки очень медленно меняются...» (из интервью руководителя департамента муниципальной власти).

Свой вклад в сложное положение органов местного самоуправления в системе публичных взаимодействий с гражданским обществом внес Федеральный закон № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 263 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которым вводится институт «перераспределения полномочий» между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ. Та-

кое перераспределение полномочий теперь осуществляется законами субъектов РФ. И, согласно докладу о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации, подготовленному исследователями РАНХиГС [Никовская, 2012], в 40 субъектах Российской Федерации были приняты законы о перераспределении полномочий в пользу субъектов Российской Федерации; в 2015 году эти законы затронули 3 200 муниципальных образований в двадцати восьми субъектах Российской Федерации, в 2016 году – 5 200 муниципальных образований в тридцати девяти субъектах Российской Федерации. При этом в ряде субъектов РФ были реализованы «масштабные проекты по перераспределению полномочий». Так, например, в Московской области законом от 24.07.2014 г. № 106/2014-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и органами государственной власти Московской области» у городских поселений было изъято девятнадцать полномочий, у сельских поселений – семь полномочий, у муниципальных районов – двадцать три полномочия, у муниципальных округов – двадцать одно полномочие. Концепция перераспределения полномочий входит в серьезный конфликт с конституционным положением о самостоя-

тельности институтов местного самоуправления. По сути, мы наблюдаем постепенное встраивание органов местного самоуправления в вертикаль государственной власти. Не удивительно, что многие эксперты из двух регионов констатировали, что после принятия этого закона можно было говорить об отсутствии самостоятельной внутренней политики на уровне местного самоуправления, поскольку характер власти на этом уровне приобрел свойства «риверсивной» власти.

Таким образом, обращение к технологиям эффективных коммуникаций и «связей с общественностью», понимаемым не просто как искусство построения общения, а как, прежде всего, управленческий процесс, позволяет представителям государства и гражданского общества снять потенциальный *конфликт отношений*, основанный на плохих возможностях общения, социальной стереотипизации восприятия; *информационный конфликт*, вырастающий на основе искажения, сокрытия информации или дезинформации; *ценностный конфликт*, основанный на противопоставлении ценностных убеждений и идеалов; и в какой-то степени – *структурный конфликт*, который базируется на неравноправии сторон, несправедливом распределении власти и полномочий, ресурсов, возможностей влияния на

процесс принятия решений [Атаманчук, 2012, с. 87].

В целом, завершая рассмотрение вопроса о проблемных аспектах взаимодействия государства и гражданского общества в части формирования публичных (общественных) интересов, можно констатировать, что современные демократические государства объективно стремятся к построению партнерских отношений с гражданским обществом, понимая, что опора на гражданское общество – это мощная «корневая система», придающая общественной силе и устойчивость политической системе общества в целом. Однако поиск оптимума в этом взаимодействии идет сегодня очень непросто. Социокультурные сдвиги формирующегося сетевого общества отличаются «утопчением» социальной ткани, нарастанием хрупкости социальных связей, их «виртуализации». *Социальный механизм осуществления государственного и муниципального управления стал сложнее и противоречивее*, так как именно к горизонтальному уровню «стянулась» живая энергия развивающегося социума и именно он острее и оперативнее «схватывает» назревающие в толще реальной жизни потребности и проблемы общественного развития. В этом смысле особая роль ложится на *систему представительства социальных интересов* в рамках госу-

дарственного/ муниципального управления, что позволяет постоянно поддерживать режим баланса во взаимоотношениях государства и общественных ассоциаций, защищая его от угрозы «сваливания» в деструктивное русло.

Социальный механизм государственного/муниципального управления предполагает налаживание организованного взаимодействия людей, их сообществ, социальных групп, понимание приоритета всеобщих интересов (общественных, публичных) и целей над корпоративными и групповыми и необходимости соблюдения взаимных обязательств и ответственности. Иными словами, социальный механизм публичного управления призван аккумулировать интересы и потребности общества, его основных социальных групп с целью выработки оптимальных средств и методов их удовлетворения. Именно существенные сдвиги в среде гражданского общества, когда наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений, решающих насущные и социально-значимые проблемы, которые не может или не хочет пока решать государство и не заинтересован решать бизнес, заставили постепенно реформироваться современное государство в направлении

расширения рамок его открытости обществу, его запросам. Это трансформировало модель современного государственного правления в направлении концепции new public management. И роль эффективного механизма такого представительства взяло на себя межсекторное партнерство – как особая социальная технология, соединяющая поиск баланса интересов на основе выявления «зон согласия», поиска компромиссов в условиях плюрализма и несовпадения частных, групповых интересов. Эта технология приучает двигаться от эгопартикуляризма в направлении выявления основ общественного блага и общих интересов. Это требует, в свою очередь, всемерного развития публичной сферы и такого ее важного элемента как институт формирования, отстаивания и продвижения общественного интереса, который может работать только при наличии каналов обратной связи между властью и гражданским обществом. Но именно эти каналы сегодня часто дают сбои, особенно на муниципальном уровне, актуализируя проблему subsidiarity государственного и муниципально-го уровней власти в публичном управлении.

Суммируя, можно сказать, что в нынешних условиях мы наблюдаем противоречивую ситуацию по развитию институтов публичной политики, и, в частности, института

формирования и продвижения общественных интересов. Проведенная нами исследовательская работа проблематизировала общий контекст этой ситуации: возросла модальность повестки об эффективности системы социального представительства общественных интересов в условиях незавершенности процесса трансформации, усиления реформирования управленческих механизмов и технологий государства с учетом заметных сдвигов в гражданском обществе, чтобы суметь более адекватно учесть возрастающий плюрализм социальных групп и их социокультурных, национальных предпочтений. А с другой стороны и перед самим гражданским обществом стоит задача повышения эффективности, компетентности, солидарности и организованности в продвижении и защите общественных интересов, углубления системной и кропотливой работы по взаимодействию со специалистами государственного/муниципального управления с целью обеспечения независимой экспертной оценки и контроля деятельности органов власти, что и делает гражданское общество самостоятельным и сильным игроком, способным ограничивать экспансию административно-государственной бюрократии в сферу общественной жизнедеятельности, что обеспечивает подлинное развитие и стабильность общества. Ответом на поставленные вопросы в какой-то мере по-

служили проведенные нами исследования.

Примечания

¹ (Проект ИПГО № 555-13 «Развитие навыков и обучение технологиям формирования и отстаивания общественных интересов при решении приоритетных задач социальной сферы региона» за 2014 г.; проект РФФИ № 19-011-31282 «Исследование состояния и возможностей совершенствования институтов и механизмов публичной политики на муниципальном уровне на основе индексного подхода» за 2019 г.).

² Используя данные расчетов, мы получили следующую категоризацию институтов публичной политики по степени их состоятельности: *несостоятельные институты ПП* – когда менее трети респондентов (33 %) от всех трех групп поставили институтам от 6 до 10 баллов; *слабо состоятельные институты ПП* – когда оценки от 6 до 10 баллов были даны числом респондентов от трети до половины (от 33 до 50 %) от всех трех групп; *состоятельные институты ПП* – когда более половины (50 %) респондентов поставили оценки от 6 до 10 баллов.

³ Указ Президента РФ №842 от 8 августа 2006 года «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам».

Библиографический список

1. Атаманчук Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы) : учеб.пособ. Москва : ОАО «НПО «Экономика», 2000. 302 с.
2. Беляева Н. Ю. От модулей описания властного пространства до – к инструментам гражданского действия // Связи с общественностью в политике и государственном управлении. Москва : Изд. РАГС, 2011.
3. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы развития. Москва : РАНХиГС, ВШЭ, 2016.
4. Зайцев А. В. К вопросу о генезисе философии диалога в общественно-политическом дискурсе власти и общества // Социально-политические исследования. 2019. №2. С. 23-32.
5. Зайцев А. В. Критерии и измерение институционализации диалога государства и гражданского общества // Социально-политические исследования. 2018. №1. С. 34-43.
6. Никовская Л. И. Место и роль конфликтов во взаимодействии власти и гражданского общества. // Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации в России. Москва : Изд. дом «Ключ-С», Научное издание, 2012. С. 100-113.
7. Никовская Л. И. Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Социально-политические исследования. 2019а. №3. С. 25-35.
8. Никовская Л. И. Введение предметное поле муниципальной публичной политики / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Социально-политические исследования. 2019б. №4. С. 36-53.
9. Никовская Л. И. Особенности муниципальной публичной политики в Костромской области: институты, субъекты и перспективы развития (по результатам социологического исследования) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Социально-политические исследования. 2019в. №4. С. 54-68.

Bibliograficheskiy spisok

1. Atamanchuk G. V. Gosudarstvennoe upravlenie (organizacionno-funkcional'nye voprosy) : ucheb.posob. Moskva : ОАО «НПО «Jekonomika», 2000. 302 s.
2. Beljaeva N. Ju. Ot modulej opisaniya vlastnogo prostranstva do – k instrumentam grazhdanskogo dejstvija // Svjazi s obshhestvennost' v politike i gosudarstvennom upravlenii. Moskva : Izd. RAGS, 2011.
3. Doklad o sostojanii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii: sovmennye vyzovy i perspektivy razvitija. Moskva : RANHiGS, VShJe, 2016.
4. Zajcev A. V. K voprosu o genezise filosofii dialoga v obshhestvenno-politicheskom diskurse vlasti i obshhestva // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. №2. S. 23-32.
5. Zajcev A. V. Kriterii i izmerenie institucionalizacii dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva // Social'no-politicheskie issledovanija. 2018. №1. S. 34-43.

6. Nikovskaja L. I. Mesto i rol' konfliktov vo vzaimodejstvii vlasti i grazhdanskogo obshhestva. // Kul'tura konflikta vo vzaimodejstvii vlasti i grazhdanskogo obshhestva kak faktor modernizacii v Rossii. Moskva : Izd. dom «Kljuch-S», Nauchnoe izdanie, 2012. S. 100-113.

7. Nikovskaja L. I. Mestnoe samoupravlenie i municipal'naja publichnaja politika: osobennosti i problemy razvitija na sovremennom jetape v Rossii (po materialam sociologicheskogo issledovanija) / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019a. №3. S. 25-35.

8. Nikovskaja L. I. Vvedenie predmetnoe pole municipal'noj publichnoj politiki / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019b. №4. S. 36-53.

9. Nikovskaja L. I. Osobennosti municipal'noj publichnoj politiki v Kostromskoj oblasti: instituty, sub#ekty i perspektivy razvitija (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija) / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019v. №4. S. 54-68.